

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

ВЪ МІРѢ РАСКОЛА.

Въ 19 № Епархіальныхъ Вѣдомостей мы сообщали о пребываніи лже-епископа Паисія въ Астрахани и Царицынѣ и объ отъѣздѣ его въ Москву по семейнымъ обстоятельствамъ. Впослѣдствіи оказалось, что пріѣздъ Паисія въ Москву нуженъ былъ и по другимъ дѣламъ, а именно: въ Москвѣ давно не было собора раскольническихъ лже-владыкъ, и вотъ настоящею осенью они вздумали собраться для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ касательно своей лже-іерархіи. Первою заботою у московскихъ раскольническихъ коноводовъ, псевдо-окружниковъ, была попытка къ примиренію съ противо-окружниками. Много было принимаемо мѣръ со стороны Московскаго духовнаго совѣта устроить это примиреніе, но всѣ попытки оставались и остаются тщетными. Нѣсколько разъ окружники постыдно унижались предъ неокружниками, прося у нихъ прощенія, при этомъ уничтожали самое окружное посланіе; но противо-окружники только издѣвались надъ своими собратьями. Да и невозможно было не смѣяться надъ такими лицами, какъ лже-архіепископъ Савватій съ его фальшивымъ духовнымъ совѣтомъ! Сегодня они уничтожаютъ окружное посланіе, а завтра, при встрѣчѣ съ какимъ-нибудь богатымъ купцемъ, почитателемъ окружнаго посланія, начинаютъ защищать оное. Въ особенности же въ Москвѣ, въ недавнее время, среди раскольниковъ австрійцевъ, возникло самочинное братство подъ именемъ честнаго креста, въ составъ котораго вошли самыя ярые защитники окружнаго посланія. Они повели борьбу съ своимъ духовнымъ совѣтомъ изъ-за уничтоженія окружнаго посланія, за какую дурость Савватій запретилъ всѣмъ своимъ лже-іереямъ принимать всякое участіе въ дѣлахъ братства. Этимъ разладомъ воспользовались противо-окружники: они подали въ духовный совѣтъ нѣсколько вопросовъ, которыми просили объяснить по совѣсти слѣдующее: если окружное посланіе содержитъ въ себѣ

ученіе истинное, то, значить, нѣтъ основаній къ уничтоженію его; а если оно содержитъ ученіе неистинное, то за чѣмъ защищать его.?—Сколько ни думалъ Савватій съ своими приспѣшниками—Драгуновымъ, Шибасвымъ и Перетрухинымъ, но отвѣтить на трудный для нихъ вопросъ не могли. Хотя Перетрухинъ и хвалился отвѣтить, но ничего не отвѣтилъ. Впрочемъ при двудичномъ веденіи дѣла и отвѣчать нѣтъ никакой возможности. И вотъ среди окружниковъ ясно обозначились двѣ партіи: одна партія чисто-оужниковъ, а другая псевдо-оужниковъ. Первая партія хотя не велика, но за то у ней много мечтателей вроде г-на Боголѣнова, который, въ бытность мою въ Москвѣ, при встрѣчѣ съ нимъ въ книжной лавкѣ Сергія Тихонова Большакова, заявилъ, что для разбирательства недоумѣнныхъ вопросовъ между старообрядцами и православными церковно нужно избрать двѣ комиссіи, одну отъ старообрядцевъ, а другую отъ Велико-россійской церкви. Я спросилъ г-на Боголѣнова, —отъ всѣхъ ли толковъ старообрядческихъ должна быть комиссія? Если отъ всѣхъ, то старообрядцамъ первоначально нужно будетъ согласиться между собою, и тогда уже составлять комиссію; допущеніе же комиссіи при множествѣ толковъ поповцевъ и безпоповцевъ и т. д. поведетъ къ тому, что члены старообрядческой комиссіи постоянно будутъ ругаться между собою и такимъ образомъ представлять изъ себя нѣчто подобное крыловскому квартету. Если же составить комиссію изъ одного какого либо толка, то какому слѣдуетъ дать предпочтеніе и за что?

Боголѣновъ. „Комиссія должна быть отъ старообрядцевъ оужниковъ“.

Я. „Почему же отъ оужниковъ, а не отъ бѣглопоповцевъ; они вѣдь старше, чѣмъ оужники, да и, кромѣ того, кого признавать въ настоящее время за оужника? Савватій же-архіепископъ отрекся отъ оужнаго посланія, самый ярый поборникъ посланія, же-епископъ Пафнутій и тотъ подписалъ актъ уничтоженія. Послеъ этого, спрашивается, отъ кого же должна быть эта комиссія? Кромѣ того, спрашивали ли вы разрѣшенія у Солдатенкова, Морозова и т. п. согласія на составленіе подобныхъ комиссіи?“

Боголѣповъ. „Богачи наши на это несогласны“.

Я. „Значить выдумка о комиссіи всецѣло принадлежит самозванному вашему Московскому братству? Какая наглость, продолжалъ я. Какіе нибудь самозванцы, выдумавшіе такую же самодѣльную іерархію всего 40 лѣтъ тому назадъ и за это время успѣвшую расколоться на 4 толка, осмѣливаются требовать равноправія съ благоустроеннымъ законнымъ церковнымъ правительствомъ“!

Боголѣповъ замолчалъ.

Насколько хватить силъ у Московскаго братства чисто окружниковъ въ борьбѣ съ ложными окружниками, неизвѣстно; впрочемъ на сторонѣ братчиковъ есть одинъ истинный почитатель посланія, лже-епископъ Селивестръ Балтовскій, который въ сентябрѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Москву на соборъ.

Такимъ образомъ одновременно съ пріѣздомъ Паисія въ Москву, туда явились лже-епископы Пафнутій Казанскій и Меодій Симбирскій. Съѣздъ раскольническаго архіерейскаго собранія рѣшалъ дѣло о лже-епископѣ Силуанѣ Кавказскомъ и Донскомъ и Алексіѣ Самарскомъ; оба эти лже-владыки находились подъ запрещеніемъ, обвинялись за разныя грязныя дѣлишки, въ особенности же за пристрастіе къ женскому полу... Алексій, будучи еще священно-инокомъ (іеромонахомъ), много натерпѣлся невзгодъ за эти дѣлишки отъ лже-епископа Пафнутія Казанскаго; по милости послѣдняго Алексія постоянно запрещали въ священно-служеніи и, лишь только благодаря богатому купцу г. Хвалынска Михаилу Львовичу Михайлову, Алексія разрѣшали. Но вотъ, когда Алексій пролѣзъ до архіерейства, то успокоился было, что теперь злѣйшій врагъ его Пафнутій, съ нимъ равный, не будетъ болѣе его преслѣдовать. Оказалось напротивъ: Пафнутій и по настоящее время не даетъ Алексію покоя, а Савватій съ своимъ совѣтомъ, желая склонить Пафнутія къ уничтоженію посланія, дѣлаетъ въ угоду ему, Пафнутію, сюрпризъ въ лицѣ Алексія. Не менѣе Алексія тяготился своимъ запрещеніемъ лже-епископъ Силуанъ. Какія онъ не принималъ мѣры, чтобы получить разрѣшеніе на священно-служеніе, прибѣгалъ, напримѣръ, къ различнаго рода уловкамъ и хитростямъ, чтобы получить

разрѣшеніе, но всѣ его замыслы въ Московскомъ совѣтѣ были обнаружены и надъ ними только смѣялись. Наконецъ Силуанъ, потерявъ всякое терпѣніе, отправилъ въ Москву, въ духовный совѣтъ своего довѣреннаго, который бы какъ можно въ скоромъ времени исходатайствовалъ для него разрѣшеніе. Повѣренный Силуана явился въ Москвѣ къ Савватію и его сотрудникамъ— Драгунову и Перетрухину, прося ихъ разобрать поскорѣй дѣло Донскаго епископа; при чемъ обѣщался изложить это дѣло подробно при разбирательствѣ. Повѣренному обѣщали исполнить просьбу въ скоромъ времени, но время шло, а о разбирательствѣ Силуановыхъ дѣлъ никто и не думалъ. Посланецъ ожидалъ съ терпѣніемъ, когда его позовутъ въ духовный совѣтъ. Наконецъ терпѣніе его лопнуло, онъ явился самъ въ совѣтъ, гдѣ присутствовали Савватій, Драгуновъ и Перетрухинъ, и обратился къ нимъ съ слѣдующею рѣчью: „Мы полагали, что въ Москвѣ у насъ въ духовномъ совѣтѣ сидятъ люди честные, занимаются дѣломъ, но этого мы теперь не видимъ; предъ глазами нашими оказываются негодяи“. Такъ началъ тузить, по военному, донецъ казакъ своихъ властей. „За что вы запретили, продолжалъ онъ, нашего владыку, не узнавъ хорошенько причины за нимъ? И какое вы имѣете право запрещать епископа, когда его, по правиламъ, могутъ судить одни епископы, *) да и то 12 епископовъ, а у васъ въ совѣтѣ одинъ только епископъ съ попами и писцемъ ворочаетъ всѣми дѣлами“. Савватій и Драгуновъ растерялись и положительно ничего не могли отвѣтить расходившемуся казаку. Послѣдній обратился къ Перетрухину и принялся „началивать“ его: „Ты мальчишка, аблакать, берешься не за свое дѣло. Взятючникъ—деньги за бесѣды берешь, а защитить не можешь насъ отъ никовіанъ“. Вѣроятно, много наболѣло въ душѣ казака, когда онъ вынужденъ былъ такъ пробирать своихъ властей, въ особенности же Перетрухина.

Кстати сказать о послѣднемъ.—Это своекорыстная и лживая душа! Онъ сознаетъ, напрямѣръ, что троецперстное сложение для крестнаго знаменія не есть ересь, какъ утверждаютъ другіе

*) А кто у раскольниковъ опредѣлялъ и судилъ бѣлыхъ поповъ въ теченіи 180 лѣтъ, казакъ объ этомъ, вѣроятно, не подумалъ?!

раскольники, а православное исповѣданіе. Бродобріе тоже не ересь и другіе предметы, которые считаютъ старообрядцы за самыя величайшія погрѣшности и изъ—за нихъ отдѣляются отъ церкви православной. Перетрухинъ не раздѣляетъ мнѣній своихъ собратовъ, раскольниковъ, но въ присутствіи ихъ говоритъ совѣмъ другое. Расскажу случай въ Хвалынскѣ, бывшій въ моей квартирѣ въ присутствіи Казанскаго лже-діакона Алексія Богатенкова. Я предложилъ Перетрухину подтвердить свое ученіе на публичной бесѣдѣ. Перетрухинъ отвѣтилъ: „хе, хе, хе! Съ чего это вы взяли? Если я высказалъ свое убѣжденіе наединѣ, то отъ этого можно постоянно отказаться, но скажи я тоже самое публично, наши старообрядцы, сами знаете, за это въ шею вытолкають съ бесѣды“. Я. „Значитъ вы, Климентъ Анфиногеновичъ, защищаете свое старообрядчество не по убѣжденію, а по найму“. Затѣмъ, обратившись ко Богатенкову, я сказалъ: „вотъ, Алексій Прокопьевичъ, смотрите, какъ вашъ миссіонеръ защищаетъ васъ, старообрядцевъ? Это не миссіонеръ, а адвокатъ, защищающій, смотря по обстоятельствамъ, правое и не правое дѣло; такъ и вашъ Перетрухинъ защищаетъ завѣдомую ложь, а Московскіе главари опредѣлили такого двоедушнаго человѣчишку въ секретари своего духовнаго совѣта.“

Впрочемъ и то нужно сказать что для Савватія и гг. Шибаева и Драгунова такіе только двоедушные людишки, какъ они сами, и нужны. Сегодня, напримѣръ, въ духовномъ совѣтѣ подписываютъ уничтоженіе окружному посланію, на другой день является окружникъ съ выговоромъ за уничтоженіе, и Перетрухинъ начинаетъ увѣрять, что это пустое дѣло. Окружное посланіе, по его мнѣнію, никогда невозможно уничтожить по его внутреннему содержанію, а уничтожено было два слова: „окружное посланіе“, содержаніе же его не уничтожается. Остроумно, нечего сказать, настоящій аблакать! А наши астраханскіе раскольники въ восхищеніи отъ него, какъ напримѣръ: лже-іерей Исидоръ Андроновъ и лже-діаконъ Журавлевъ считаютъ его за самаго мудраго богослова. Двуличность и продажность у раскольническихъ защитниковъ—явленіе нерѣдкое и при томъ во всѣхъ толкахъ. Въ бытность мою въ Саратовѣ, туда пріѣзжалъ изъ Москвы из-

вѣстный начетчикъ Пановъ-безпоповецъ, но какого толка, — этого никто не могъ узнать, такъ какъ Пановъ защищалъ многія секты. И вотъ сей господинъ на собесѣдованіи съ православными миссіонерами выходилъ защищать поморцевъ — брачниковъ, безбрачниковъ и подпольниковъ и за все это бралъ большія деньги. Спрашивается: есть ли убѣжденіе у такого человѣка, между тѣмъ какъ раскольники почти боготворили его и единственно только за то, что онъ умѣлъ ругать церковь православную.

Послѣ нотации, данной казакомъ своему лже-архіепископу Савватию и его сотрудникамъ, Силуанъ былъ разрѣшенъ отъ запрещенія. Не такъ поступило раскольническое сборище съ Алексіемъ Самарскимъ. У сего послѣдняго не оказалось такого храбраго воина, какъ у Силуана, а посему раскольническое сборище лже-архіереевъ, въ угоду личному врагу Алексія Пафнутію Казанскому, продолжило запрещеніе. Какъ не отговаривался Алексій, какіе доводы ни приводилъ онъ въ свое оправданіе, все осталось тщетнымъ, — раскольническіе владыки были неумолимы.

Издаваемая за границей грязная раскольническая газеташка, извѣстная своими ругательными выходками противъ церкви православной и ея архипастырей и пастырей, прекратила свое изданіе, а вмѣсто нея тотъ же издатель, инокъ Николай Чернышевъ, въ одномъ изъ листковъ своихъ, изданномъ 15-го іюля текущаго года, говорить, что онъ по сіе время ратовалъ за окружное посланіе, а теперь опомнился и проклялъ самое посланіе. Что за причина такого поворота Чернышева? Неужели онъ созналъ, что окружное посланіе неправильнымъ и прежде свое убѣжденіе о немъ — глупымъ? Не думаемъ. Поступокъ же Чернышева можно объяснить вѣрнѣе такъ: окружники перестали выписывать его газеташку, почему онъ и прекратилъ ея изданіе. Послѣ же, желая пролѣсть къ противо-окружникамъ, онъ началъ ругать въ своихъ листахъ окружниковъ. Но противо-окружники хорошо помнятъ, какъ тотъ же Чернышевъ, въ угоду окружникамъ, награждалъ ихъ различными названіями: раздорниками, отщепенцами и т. п. Не скажутъ ли ему и противоокружники: ты, братъ Чернышевъ, собираешь, собираешь деньги съ окружниковъ то, да от-

возить ихъ въ Дрезденъ... Теперь не хватило видно, къ намъ еще хочешь подсыпаться. Нѣтъ, молъ, извиняемся! Вы все, молъ, стали Карловичи *), хапаные, стремитесь къ легкому гешефту.

Священникъ *Евтропій Кочергинъ*.

С Л О В О

въ день Святителя Христова Николая,—предъ сборомъ пожертвованій на церковно-приходскія школы Астраханской епархіи.

Все мы, собравшіеся въ этомъ святомъ храмѣ, именуемъ себя православными христіанами, считаемъ себя исповѣдниками того евангельскаго ученія, которое защищалъ противъ нечестиваго Арія и проповѣдывалъ вѣрующимъ чествуемый нынѣ нами Святитель Христовъ Николай. Вотъ уже приближается къ концу второй десятокъ вѣковъ съ того времени, когда такъ ревностно проповѣдывалъ Святитель Евангельскую истину въ ея неповрежденномъ видѣ; но и до сихъ поръ, не смотря на громаднѣйшій періодъ времени, задача христіанской проповѣди остается таже: учить пасомыхъ истинной вѣрѣ и заботиться объ ихъ богоугодной жизни. Въ наше время Церковь и Государство, сознавая несомнѣнную пользу начального обученія въ религіозно-нравственномъ духѣ, заботятся о размноженіи начальныхъ школъ при храмахъ Божіихъ и само духовенство учить дѣтей истинамъ вѣры и богоугодной жизни. Наша православная школа, такимъ образомъ, послѣ храма Божія, есть самое богоугодное учрежденіе, и потому забота о ней должна быть у каждаго члена Церкви Христовой.

*) Карловичъ—выкрещенный жидъ. Первоначально онъ былъ въ расколѣ, потомъ присоединился къ православію, затѣмъ ушелъ обратно въ расколъ. Живетъ онъ въ настоящее время въ Австріи, печатаетъ всевозможныя ругани на церковь православную подъ именемъ историческихъ изслѣдованій и продаетъ каждый экземпляръ по 5-ти рублей. (Авторъ).